

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

“МЕСТОГЛАГОЛИЕ” В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

© 2011 г. Г. В. Федюнева

В статье с точки зрения типологии явления рассматривается маргинальная категория местоименных глаголов, получившая широкое распространение в русских говорах нижней Печоры.

The article deals with a marginal category of “verbal pronouns” that are widely present in Russian subdialects of the Lower Pechora river region from the viewpoint of typology.

Ключевые слова: местоименные глаголы, дейктические глаголы, лексическое значение, лексико-грамматический вариант, спонтанная речь.

Key words: pronominal verbs, deictic verbs, lexical meaning, lexico-grammatical meaning, spontaneous speech.

...не подошло к языку моёму, надо бы сказать: отделить, а я – оттогодеть надо рыбы (Словарь русских говоров низовой Печоры. Т. 1. СПб., 2003, с. 547).

Как типологически редкий класс слов местоглаголие обнаруживается далеко не во всех языках. В качестве примера обычно приводят английский *to do*, используемый для замены смыслового глагола во избежание его повторения в последующем предложении или в кратких ответах на вопрос, вроде: *Who took the dictionary? – I did* “Кто взял словарь? – Я (сделал, т.е. взял)”; *Does he help you? – Yes, he does* “Он помогает вам? – Да (делает, т.е. помогает)”, шведский глагол *göra* и датский *gøre* со значением “делать”, а также болгарский глагол *естъ* в утвердительных конструкциях, вроде: *Купили сахар? – Не съм* “Купили ты сахар? – Нет, букв., не есть” [1, с. 218].

Более системное использование заместителей глагола наблюдается в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, напр., татарский *нитӤ* “делать что-то”, монгольские *ингэх*, *тэгэх* “делать так”, *ях* “что делать” [2, с. 295] и некоторых др.

Ю.С. Маслов, отмечая, что в русском языке местоглаголие не получило развития, всё же считает, что глагол *делать*, хотя не сам по себе, а в сочетании с местоимением *это* или другими подобными словами, выступает как заместитель знаменательного глагола, например, в конструкциях типа *не делай этого!* Иногда в качестве примера русского местоглаголия приводится глагол *стать*, выступающий в качестве “пустой формы” в просторечной конструкции “не – инфинитив –

стать”, вроде: *нам не привыкать стать, не занимать стать* [3, с. 624].

Более последовательно этот вопрос рассмотрен в работах Н.Ю. Шведовой, посвященных описанию смыслового строения русских местоимений. “Принято утверждать, – пишет она, – что в русском языке нет дейктических глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и дейктические глаголы, по своему смысловому назначению совпадающие с местоимениями”. Под свободными дейктическими глаголами она понимает такие, “которые по своим функциям, синтаксическому поведению и парадигматике уверенно вписываются в систему местоименных слов: это глаголы, способные означать любой поступок, действие, событие, ситуацию либо их необратимый результат; таковы глаголы, застывшая глагольная форма и глагольные сочетания: *поступать – поступить, делать – сделать, делаться – сделаться, происходить – произойти, сделано, быть, иметь место* (быть, наличествовать) [4, с. 42–43].

По причине маргинальности и “типично нерегулярного присутствия” в дейктических системах разных языков заместители глаголов не получили сколько-нибудь последовательного освещения в научной литературе. В традиционных описаниях такой разряд, как правило, не выделяется; иногда отмечаются дейктические функции “глаголов с очень общей семантикой”, их участие в анафори-

ческом текстообразовании или референции. Термины “местоглаголия”, “дейктические глаголы”, “местоименные глаголы”, “глаголы с местоименной семантикой”, “местопредикативы”, “провербы” и т.д., встречающиеся в отдельных работах, не имеют дефиниций и используются от случая к случаю.

По-видимому, местоглаголия следует считать частью дейктического механизма языка, который состоит из местоименных слов, специально предназначенных для обозначения глобальных понятий физического и ментального мира, таких максимально абстрагированных смысловых категорий, как одушевленное существо, предмет, признак, принадлежность, образ или способ действия, количество, мера, место, время, предел, цель, причина, а также действие или процессуальное состояние вообще [5, с. 6].

Однако в отличие от других дейктических элементов лакуна местоглаголия может заполняться или сохраняться; более того, в функции глагольных заместителей могут выступать различные языковые факты, о чем, среди прочего, свидетельствует и “терминологическая туманность”, окутывающая данное явление.

Чаще всего в дейктическое поле включают глаголы с общей семантикой процессуальности или экзистенциональности, вроде *делать, стать, быть, происходить* и т.д. Действительно, такие глаголы выступают некими аккумуляторами абстрактно-языковых смыслов, обращенных к различным группам полнозначных глаголов. Они наполняются конкретно-процессуальным содержанием только в связном тексте или высказывании, например, *что делать*: писать, плясать, печь, развлекаться и т.д.; *что происходит*: просыпается, меняется, падает, не здоровится, не спится и т.д. В этом смысле они похожи на местоимения, ср., *как*: быстро, бегом, прямо и т.д.; *какой*: большой, зеленый, старый, плачущий и т.д. Однако насколько в действительности их семантика местоименна и насколько они могут выступать в место глаголов? По-видимому, настолько же, насколько местоименны слова *действие, происшествие, сущность, бытие, дело, много, мало* и т.д., реальное коммуникативное (на)значение которых реализуется также только в конкретной языковой ситуации.

По нашему мнению, само по себе “местоименное значение” глагола еще не говорит о наличии в языке местоглаголия как структурной составляющей дейктической системы наряду с “настоящими” местоимениями и “местонаречиями”. Появление “пустых и полупустых” глаголов явля-

ется частью универсального языкового процесса, связанного с развитием полисемантизма, когда отдельные полнозначные слова с высокой валентностью и частотностью употребления получают множество контекстуальных значений, теряя при этом свое основное конкретно-лексическое значение.

Интересно отметить, что русский глагол *делать*, по-видимому, первоначально имевший также конкретное значение, ср. болг. *дялам* “обтёсываю”, сербохорв. *djelati* “делать, работать, строгать” [6, с. 496, 509] в современном языке выступает в двух лексико-грамматических вариантах, а именно, глагол *делать*, семантически близкий англ. *to make* “изготавливать”, и глагол *делать*, сопоставимый с англ. *to do* с местоименным значением. В первом случае он является полноценным смысловым глаголом, требующим конкретный объект действия, например, *делать что*: машину, работу, домашнее задание, опыты и т.д. Во втором – глагол выступает в качестве “пустой формы”, требующей уточнения, наполнения за счет семантики других полнозначных глаголов: *что делать*: спать, гулять, строгать, печатать, плавать и т.д. В последнем случае, видимо, можно ожидать дальнейшей десемантизации глагола, особенно в диалектах, ср., например, в колымских русских говорах: *пришел к има, а они то делают, ужнают да* [7, с. 14].

Глаголы с очень общей семантикой, особенно в сочетании с вопросительными и указательными местоимениями, видимо, могут использоваться в функции дейктических элементов во многих языках, так как «явление смыслового “выветривания” можно, безусловно, признать универсалией, хотя в разных языках оно проявляется в разном масштабе» [8, с. 212]. Как отмечал еще Карл Бюлер, фундаментальным различием между полем указания, в котором функционируют дейктические знаки, и символическим полем назывных слов состоит в том, что первые всегда связаны с ситуацией общения, тогда как назывные слова в большей степени ситуационно независимы [9, с. 75–76].

Следовательно, чем больше слова опустошаются, чем больше становятся зависимыми от ситуации говорения, тем ближе они к дейктическому полю. Однако совсем не обязательно, что они станут элементами иерархически структурированной дейктической системы местоимений, во всяком случае, для этого нужен достаточно длительный период инкорпорирования в разряд “знаков знаков языка”, который, как известно,

начинает складываться на самых ранних стадиях формирования большинства известных языков.

История и типология формирования класса местоимений свидетельствует о постепенном формировании основных лексико-грамматических разрядов из собственного дейктического материала. Как правило, в роли первичных местоимений выступают архаичные дейктические корни, выполняющие функции указательных частиц, затем указательных, вопросительных и личных местоимений, из которых постепенно формируются адъективные, квантитативные, адвербиальные и другие группы прономинальных слов [10, с. 39 и далее]. Аналогичный процесс можно предположить и в образовании класса местоглаголий, которые, как и все другие дейктические слова, возникают в дискурсе ситуативно и должны опираться на уже имеющиеся разряды “настоящих” местоимений или дейктических корней. Например, заместительные глаголы нивхского языка *йагод'* “быть таким”, *йад'* “что делать” и “неопределенное местоглаголие *йауд'*” обнаруживают первичные дейктические корни [11, с. 227]; соответствующие провербы *ii-/iige-* “делать эдак”, *tii-/tiige-* “делать так”, *jaa-* “что делать”, *xerge-* “как поступать” бурят-монгольского языка образованы от тех же корней, что и местоимения *iime* “эдакий”, *tiime* “такой”, *jamar* “какой”, *xer* “как” [12, с. 111]; в эвенкийском, эвенском и негидальском языках местоименные глаголы также образуются непосредственным присоединением глагольных суффиксов к интеррогативным основам, напр., глагол *ē-*, *æ-* является по сути вопросительным местоимением, к которому могут присоединяться различные глагольные суффиксы: *ē-за-* “что делать”, *ē-л-* “что начать делать”, *ē-лди-* “что делать совместно”, *ē-вкән-* “что заставить делать, что сделать” и т.д. [13, с. 223].

В этом плане интерес представляет функционирование заместительных глаголов в северо-восточной группе русских диалектов, точнее, в речи носителей русских говоров Припечорья, где наблюдается активное использование указательного местоимения *тот* в функции местопредикатива. В спонтанной речи, когда говорящий затрудняется в выборе нужного слова, в качестве заместителя глагола (или неглагольного предиката) часто выступает форма родительного падежа единственного числа *того*, *не того*: *мы его сейчас того...* (= что-то сделаем: уберем, распакуем, побьем и т.д.); *ты что совсем не того?..* (= не понимаешь, не соображаешь, с ума сошел и т.д.); *ты уже растого печку?* (= растопил, разбросал в ней угли, закрыл, разобрал и т.д.). Эта форма широко представлена на всем пространстве русского просторечия благодаря ярко выраженной семантике неопределен-

ности, незнания, в том числе, незнания, как сказать и что сказать в данной ситуации. Например, в словаре В. Даля находим статью *растого, растово*: *Я было и тово, ну так вить жена не тово, ну уж и я растово* с пометой “недоговоренное: разделить, разнять, раздумать” [14, с. 78].

Неслучайно, в спонтанной речи носителей разных говоров на основе этого местоимения возникло большое количество так называемых “слов-паразитов”, используемых в ситуациях незнания, невозможности выразить свою мысль, в поисках нужного слова и т.д., напр., *товóнот-ка*, *товóвоно*, *товóвонко*, *товóсетко*, *тогóсе*, *тогóвесе*, *тогóвасетко*, *товобииш*, *товокать* и т.д. [14, с. 78; 15, с. 68].

В некоторых русских диалектах грамматикализации подвергаются устойчивые выражения *то дело*, *то делать*, *на то дело*, приобретающие различные дискурсивные функции и значения, например, в русских говорах Сибири *натодельно* “специально, с умыслом”, *тодельный* “специально предназначенный” и т.д. [16, с. 570].

Подобные образования широко представлены и в припечорских говорах, особенно на территории Усть-Цилемского района Республики Коми, где достаточно компактно и изолированно проживает русское старожильческое население, сохраняя как культурные, так и языковые особенности. Местоименные дериваты, как правило, имеют очень общее значение, реализуясь в конкретной речевой ситуации скорее “для связи слов”, нежели сообщения конкретной информации. Ср., например, конструкции со словом *натодель*: *ты натодель ф Городок ездила?* (= зачем); *не робит, натодель пьет* (= только); *ухожэно фсе́ было, накачькано, натодель дожжыт* (= беспрестанно); *самолеты натодель летали* (= часто); *медведица з детьми покатилаь, натодель пойдёш на мясо* (= сразу); *студёну воду попью, дак натодель кашлею* (= непременно); *фсе дети умерли, один парнишка есь и тот натодель не могаеь* (= как и следует ожидать); *я не простыла, а натодель кашлею* (= неизвестно от чего, само по себе); *он был такой здоровяшиий, натодель, крупняшиий* (вводное слово) и т.д.¹

От указательной основы *то*, *тот*, *того* в говорах образован ряд демонстративов, в том числе,

¹ Здесь и далее примеры, не имеющие паспортизации, извлечены из книги: Словарь русских говоров низовой Печоры / Отв. ред. Л.А. Ивашко. СПб. Т. 1. 2003. Т. 2. 2005; значком * отмечены примеры, взятые из книги: Дронова Т.И. Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья. Сыктывкар, 2008; значком ** помечается устное сообщение носителя усть-цилемского говора Т.И. Дроновой. Материал дается в транскрипции источников.

адъективное местоимение *тогов* “принадлежащий тому”, например, *тогова-то одежда навешана; это не егоф дом, не он тут жыл, это тогоф, Арсения дом*. Это местоимение, в свою очередь, приняло участие в формировании глагола *тоговотать* “делать что-либо”, который используется в собственно местоименной, референциальной функции, соотносящей высказывание с действительностью. Слово *тоговотать* наполняется лексическим содержанием и получает конкретизацию только в речи участников коммуникативного события, когда предмет разговора хорошо известен, поэтому вместо полнозначных слов могут быть использованы самые общие “указатели” или “знаки” и даже невербальные дейктические средства. Глагол *тоговотать* реализуется в разных контекстах с тем значением, с каким должен был бы выступать полнозначный глагол в данной ситуации, например: *вы там в мячь-то играете, траву-то не тоговотайте* (= не мните, не топчите); *потоговотай мне спину, я уш сама тоговотать не могу* (= тереть мочалкой); *я хотела тоговотать пряжу, да внук пришол* (= красить); *малых-то присоли карасей, а больших не тоговотай* (= не соли); *не тоговотай уш это, не говори*.

От основного глагола *тоговотать* “делать что-либо” в спонтанной речи образуются многочисленные формы с коннотативными значениями, экспрессивно актуализирующие иллокутивную направленность высказывания. Они образуют систему, как бы дублирующую парадигму словоизменения и формообразования основного глагола, хотя и с многочисленными лакунами “пассивно-возможных форм”. По-видимому, система имеет высокую степень потенциальной продуктивности, во всяком случае, имеющийся материал демонстрирует возможность создания многочисленных дериватов префиксально-суффиксальной модели, например: *мне надо вот натоговотать: квашню замесить да, телёнка напоить да* (= вот что сделать); *совсатать надо дефку, обтоговотайте дело* (= уладьте)**; *так обтаговотают, что охнешь* (= обсудят, оговорят)*; *этого старика оттоговотали* (здесь: сняли порчу)**; *оттоговоталась старуха, дугу с лошади сняла и зашла в ызбу* (= распрягла лошадь); *перетоговотала, бат, вино веть нельзя церес пить* (= перепила); *так не могут жить, цэбы не перетоговотать* (= не перессориться)*; *ну фсё бельё растоговотала, я сложыла, а ты растоговотала* (= разбросала, раскидала, растрясла); *вон их растоговотал, этот плацет* (= раздражил, обидел); *фсё бродят в воде, фсю ногу-то растоговотал* (= повредил); *козы, свиньи перетоговотили, перерашишывали* (здесь: разводили, выращивали); *лишно сказать*

нельзя, так перетоговотают и не подумаш (= пересудят)**; *мужык крепкой, поболее да перетоговотаваетце, перемогаетце* (= пересилит болезнь)**; *сёготу потоговотало рука-то* (= болела время от времени); *каку-ле копейку получают, протоговотают**; *наталья не столь нажывала, сколь прожывала, чё подкопила, фсё расхендала, протоговотала* (= расточила, разбазарила)**; *пьяна напилася да фся растоговоталась, шыни-ти (волосы) фси растрепались; растрепавецца да растоговотаваетца, дак как хухра; тут она растоговоталась* (здесь: рассердилась); *стоговотают шэрсь, выскоблют, выделывают кожу* (= соскоблить шерсть); *двоё-то убежали, а третьего поимали, не мог стоговотавецца, убежать; мед-ветко в земле, у него две лопатки, он так розрывает; он нацял роботать, земля утоговотавецца под-верьх* (= убирается, вылетает) и др.

Кроме глаголов с основой *тогов-* в припечорских говорах бытуют заместительные глаголы, образованные от основы *-того-* также префиксально-суффиксальным способом. Интересно, что, в отличие от глаголов предыдущей группы, в парадигме их словоизменения отсутствуют основные (беспрефиксные) формы. И хотя реконструкция их оценивается носителями говоров как возможная, контекстной реализации ни в опубликованных источниках, ни из устного опроса нам обнаружить не удалось. Некоторые примеры: [**тогодделать**]: *перетогодделала фсё ф сундуке, фсё переворотила; фсю я одежду перетогодделала, перемешала; фсе эти растогодделала, куда я дела* (= небрежно разместить, рассовать); *надо рукавицу сперва растогодделать, а потом надвязать*; [**тогодеть**]: *Галя, не натогодей ему в глаза* (здесь: не брызгай); *перетогоддели, перемерзли ноги, стали болеть; верёфку-то олень оптогодел фсю; ницё не подошло к языку моёму, надо бы сказать: отделить, а я – оттогодеть надо рыбы; хотела перину послать, уехала, ницего не послала, не стогоддела; я уш с горя фся стогодделась, фсё она сижу* (= извелась, измучилась); [**тогодить**]: *лоптей-то надо в большой яшишк перетогодтить* (= переложить); *пеструху растогоддила, вот суп варице* (= зарезала); *бат, молотка тебе растогоддила, как деревня называвецца* (= сказала); [**тоговать**]: *растоговай рукавицу-ту* (= распустить связанное); *Федосья-та растоговалась, фсё о доци говорила* (= разговорила); *цё растоговалась тут, подь, подь* (= раскудхталась, о курице); [**тоготать**]: *виска (речка) была рыбна, топерь дома фсё натоготали, наделали; я весь песок растоговала, Нине дала, да Лене дала; [тоготавать]: шпану поставили караулить хлеп, а они украли, оттоготовали, в*

лагерь попали; (болезнь) *растогóтовалась* дак (= усилилась); *Марфа, ты што няфкаш, растогóтовалась?* (= расхныкалась, расплакалась); *иш, паря, как вы там фсе растогóтовались, фсё выписываеце посылторгом* (= приспособились, приноровились); [*тогóдивать*]: *я сённи ягот на тогóдивала* (= насобираала); *не растогóдивай тут* (здесь: не разбрасывай); *ну-ка, растогóдивай, цё там прислали* (здесь: открывай посылку) и др.

Использование местоглаголий можно наблюдать и в других северо-восточных диалектных зонах. Например, в вятско-пермской группе русских говоров, расположенных на территории Кировской и Пермской областей, отмечается широкое употребление вводного слова *тóвно* в значении “как сказать”, “так сказать”, “как это”: *овечек утром кормлю, пою, а вечером-то, тóвно, иной раз и кормлю вроде, иной раз нет*. По-видимому, на его основе появился глагол *тóвнать* “делать, заниматься чем-либо”, зафиксированный в юрлинском говоре Коми-Пермяцкого округа, напр.: *Варя, вставай, пойдём кулигу тóвнать. Надо убраться уж её* [17, с. 238].

В северорусских говорах встречается также глагол *натáкать* “указать, сориентировать”, образованный от местоименной основы *так*, как и глагол *потáкать* [18, с. 343], который приближается к полю дейктических единиц за счет усиления десемантизации, например, в таких дискурсах: *я их к Анне натакала; кто это натакал вас к Соломие-то идти?* (= подсказал, посоветовал обратиться); *свахи невесту натакивают*: “*по-больше кусай пирога-то, дак богаче жить будешь* (= поучают); *нечо нас натакивать, мы сами знам* (= учить); *кедровка, у ей нос, как шило, тоненькой; она натакётся, дак на всю зиму орехов натаскат* (= натолкнется, найдет, обнаружит); *как-то натакались на нас, а то неужэли бы уехали?* (= встретили) и т.д. [19, с. 347].

Как видно из приведенного материала, реализация местоименного значения заместительных глаголов жестко привязана к сиюминутному акту говорения и целиком зависит от целевых установок говорящего. Русские местоглаголия не включаются в традиционные описания, поскольку являются скорее *п о т е н ц и а л ь н о й*, нежели последовательно вербализованной категорией. Возможность существования местоглаголия детерминирована системностью языка, однако реализуется не облигаторно, в дискурсе, часто (обычно) не достигая системы. В дискурсивной речи коммуникация преобладает над номинацией, поэтому многие языковые единицы приобретают специфические значения и функции, а в случае с местоглаголиями можно наблюдать экспрессив-

ное формо- и словообразование. В условиях спонтанного речепорождения появляются элементы, которые могут впоследствии структурироваться в дейктическую систему языка, но могут и остаться на уровне “говорения” как факты данного речевого случая с участием данного языкового коллектива. По-видимому, местоглаголия, выполняя собственно дискурсивную функцию, часто остаются фактом речи, лишь иногда поднимаясь до уровня языковой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.
4. Шведова Н.Д. Местоимение и смысл. М., 1998.
5. Шведова Н.Д., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
7. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 86. СПб., 1901.
8. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V (языковые универсалии). М., 1970.
9. Булер К. Теория языка. М., 2000.
10. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
11. Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Т. 1. М.; Л., 1962.
12. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.
13. Булатова Н.Я. Местоимения в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков: Acta Linguistica Petropolitana // Труды Института лингвистических исследований. Т. I, ч. III. СПб., 2003.
14. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1982.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.
16. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука, 1997.
17. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Сост. Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь, 2006.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
19. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева, отв. ред. Е.А. Глушкова. Пермь, 1973.